

Аркадий Гайдар
Четвертый блиндаж

Колька и Васька — соседи. Обе дачи, где они жили, стояли рядом. Их разделял забор, а в заборе была дыра. Через эту дыру мальчуганы лазили друг к другу в гости.

Нюрка жила напротив. Сначала мальчишки не дружили с Нюркой. Во-первых, потому, что она девчонка, во-вторых, потому, что на Нюркином дворе стояла будка с злоущей собакой, а в-третьих, потому, что им вдвоём было весело.

А подружались вот как.

Приехал однажды к Ваське из Москвы его задушевный товарищ — Исайка Гольдин.

Исайка был ровесником Васьки и был похож на Ваську. Только что чуть-чуть потолще, да волосы у Исайки почернее, да ещё было у Исайки ружьё, которое стреляло пробками, а у Васьки не было.

Приехал Исайка с отцом в выходной день. И вздумали ребята в лапту играть. А в лапту, известное дело, втроём не играют — обязательно нужно четвёртого.

Пошли за Павликом Фоминым. Но у Павлика болел живот. В лапту играть его не пустили, сидел он дома совсем печальный, потому что выпил недавно касторки.

Что тут будешь делать? Где взять четвёртого?

Вот Васька и говорит Кольке:

— А что, если давай позовём Нюрку?

— Давай, — согласился Колька. — У неё ноги вон какие длинные, она не хуже козы бегают.

Исайка согласился тоже.

— Только, — говорит Исайка, — хоть у меня ноги и короткие, а я тоже хорошо бегаю, потому что Нюрка без припрыга бегают, а я с припрыгом.

Позвали Нюрку:

— Иди, Нюрка, с нами в лапту играть.

Нюрка сначала очень удивилась. Но потом видит, что ребята всерьёз зовут.

— Я-то бы пошла, да мне сначала огурцы полить надо. А то взойдёт солнце, и рассада повянет.

Увидали ребята, что дело это с поливкой долгое будет. Тут Исайка и выдумал:

— Давайте мы тоже поливать будем. Одни воду подтаскивать, другие поливать, тогда раз-раз — и готово. А то одна она и до полдня прокопается.

Так и сделали. Сыграли в лапту десять конов. Сбегали на речку искупаться. Потом Исайка с отцом уехали в город.

И с того-то самого дня подружились Васька и Колька с Нюркой.

Жили они от Москвы недалеко, в посёлке, у самого края. Дальше начиналось поле, поросшее мелким кустарником. А ещё дальше, на горке, виднелись мельница, церковь и несколько домиков с красными крышами — то ли станция, то ли деревенька, — изда- лека не разберёшь. Как-то Васька спросил у отца, как называется эта деревенька.

— Это не настоящая, — ответил отец. — Это всё нарочно сделано.

— Как же не настоящая? — удивился Васька. — Как же не настоящая, когда и мельница, и церковь, и дома? Всё видно.

— А так и не настоящая, — рассмеялся отец. — Отсюда кажется, что и мельница и дома... А подойдёшь поближе, там ничего нет.

Удивился Васька, но не поверил. И решил, что отец посмеялся или просто сказал так, чтобы от него отстали.

Полез к Кольке через заборную дыру. Глядит, а Колька с Нюркой сидят на заборе и что-то интересное в поле высматривают. Обиделся Васька:

— Вы что же это, сами интересное высматриваете, а меня не позвали?

А Колька отвечает:

— Я давно уже хотел сбегать за тобой. Залезай скорей на забор. Посмотри, какие красноармейцы с пушками приехали.

Залез Васька, смотрит: совсем рядом в кустах кони стоят, повозки на двух колёсах и пушки.

— Ну и ну! — сказал Васька. — Это что же такое дальше будет?

— А вот посмотрим, — ответила Нюрка. — Мы уже давно здесь сидим и всё дожидаемся.

— Ладно, — напомнил им Васька, — другой раз и я тоже раньше вашего сяду и вам ничего не скажу.

Но всё-таки на этот раз они не поссорились, потому что в кустах начиналось что-то очень занятное.

Лошадей у каждой пушки было по шесть штук — по три пары на пушку. Лошади отцепились от пушек как-то сразу.

Красноармейцы возле пушек забегали и что-то такое крутили, ворочали, потом отбежали назад. Остался рядом с пушкой только один. И тот, который остался, держал в руке длинный шнур, привязанный к пушке.

— Ты, Колька, не знаешь, зачем это он за шнурок держится? — спросил Васька, усаживаясь поудобнее.

— Не знаю, — сознался Колька, — только если держится, то уж, значит, так нужно.

— Обязательно так нужно, — подтвердила Нюрка.

— А то, если бы он не держался, тогда как же? — продолжал Колька.

— Ну конечно, — согласился Васька, — если бы не держался, тогда как же...

Но тут красноармейский командир, который стоял позади телефонной трубки, что-то громко закричал. Другой командир, который стоял поближе к пушке, тоже что-то крикнул, махнул рукой; тогда красноармеец дёрнул за шнурок.

Сначала сверкнул огромный огонь. Потом так ударило, как будто бы громом грохнуло над самой печной трубой.

Ребята слетели с забора на траву.

— Ну и бабахнуло! — сказал Васька поднимаясь.

— Здорово бабахнуло! — согласилась побледневшая Нюрка.

— Это вот когда дёрнут, тогда и бабахнет, — объяснил Колька. — А вы говорите — зачем шнурок да зачем! Я теперь сразу угадал зачем... А вот скажи, Васька, почему ты с забора соскочил и меня с Нюркой спихнул?

— Я не соскочил, — обиделся Васька. — Это Нюрка первая соскочила, — тряхнула забор, я и свалился.

— Я не первая, — отказалась Нюрка. — Если бы я первая, то как же бы я Кольке на спину упала? Это он сам первый.

— Вот ещё! — рассердился Колька. — Это ты просто побоялась в крапиву падать и нарочно выбрала так, чтобы мне на спину. А я вот не побоялся и всю руку изжёг. — И, обернувшись к Ваське,

он добавил:— Они все, девчонки, крапивы боятся. Куда уж им!

С тех пор красноармейцы с пушками приезжали часто. Только в среду да понедельник стрельбы не бывало, а то каждый день.

Как только приедут артиллеристы, так бегут ребята прямо к кустам. Сядут на бугорочке, совсем близко, и смотрят. С бугорочка всё видно и всё слышно. Телефонист послушает в трубку и потом говорит командиру:

— Прицел 6–5, трубка 7–2. Тогда командир кричит:

— Второе орудие!... Прицел 6–5, трубка 7–2.

И бегут сразу красноармейцы ко второму орудью. Покрутят какое-то колесо — и орудие немного вверх приподнимается. Покрутят другое — и ствол орудия немного в сторону отойдёт. Тут, когда нацелятся артиллеристы, махнёт командир рукою, — дёрнет красноармеец-наводчик за шнурок. Вот тебе и трах-бабах!

Как летит снаряд, этого ребятам не видно. Но когда долетит и разорвётся, то тогда уже видно, потому что над этим местом поднимается целое облако пыли и чёрного дыма.

И все снаряды рвались то около церкви, то около мельницы, то около домиков, которые виднелись далеко на горке.

— А страшно в той деревеньке жить! — сказала однажды Нюрка. — Я бы ни за что не осталась там жить. А ты, Васька?

— И я бы не остался, — ответил Васька. — А отчего это отец говорит, что там никакой деревеньки нет и всё это только отсюда кажется?

— Деревенька есть, — решил Колька, — да только из неё перед стрельбой все уходят.

— А лошадей куда?

— А лошадей тоже уводят.

— И коров тоже? — спросил Васька.

— И коров тоже, и разных там свиней, и баранов.

— И куриц тоже уводят? — полюбопытствовала Нюрка. — И уток тоже... и всех?

— Должно быть, уж и всех, — ответил Колька и замолчал, потому что самому ему чудным показалось такое дело.

Тут как раз стрельба окончилась, подвезли красноармейцам котёл на колёсах — кухню. Стал наливать им повар в котелки что-то — суп или борщ, а красноармейцы садились тут же на траву и ели.

Тогда Васька сказал:

— Побежим домой, я что-то тоже поесть захотел. Но Колька остановил:

— Погоди-ка немного: сюда командир едет.

Подъехал верхом командир. И возле самого бугорка остановился: закурить захотел. Вынул папиросы, вынул спички, стал зажи-

гать, да то ли коня слепень укусил, то ли просто он забаловался, а только дёрнул конь и зафыркал.

Ухватился командир за повод.

— Стой, — говорит, — шальной! Чего крутишься? А спички-то и выронил. — Ребята, — попросил командир, — подайте-ка мне спички.

Васька всех ближе стоял. Схватил он коробку, да поскользнулся и упал. А Кольке обидно стало, что Васька подавать хочет. Подскочил он к Ваське и вырвал у него коробку. Васька как заорёт да Кольку кулаком по голове. Тут и началась у них драка. А Нюрка тем временем тихонько, боком, боком... подобрала спички да и подала их командиру. Вот тебе и тихоня!

Посмеялся над ребятами командир, сказал им спасибо и ускакал.

Тогда Васька и Колька перестали драться и хотели отлупить Нюрку: зачем она со спичками вперёд сунулась.

Но Нюрка испугалась и убежала. А разве её, длинноногую, догонишь?

Так вот и поссорились ребята.

На другой день ни Васька к Кольке через заборную дыру не лезет, ни Колька к Ваське. А Нюрка тоже у себя на дворе возится.

Походил-походил по двору Васька, — скучно! Достал палку, сел на неё верхом и проехал кругом двора три раза, — всё равно скучно.

Заглянул он в дыру — видит, Колька с луком и стрелами ходит. В фуражку перо воткнул и будто бы индеец. Обидно стало Ваське. Просунул он голову в дыру и закричал:

— Отдай, Колька, перо! Оно не твоё, а наше. Это ты у нашего петуха из хвоста выщипал.

Тут Колька поднял с грядки ком земли. Как запустит его в Ваську, да прямо в живот! Хоть и не больно было Ваське, а всё-таки он заревел.

Васькина мать на крыльцо вышла и начала Кольку ругать. Да и Ваське заодно попало. На другой день ребята — враги. На третий день — враги тоже.

А тут как раз подошло грибное время. Другие ребятки с соседних улиц соберутся с утра и идут или в Борковский лес, или на Тихие овраги. Глядишь, к обеду тащат — кто корзинку, кто лукошко. Да грибы-то все какие — белые! Сахар, а не грибы.

А Ваське одному идти скучно, он и не идёт.

Колька тоже не идёт. А Нюрка и подавно: скучно одной.

Сидит как-то Васька у себя на дворе и играет в поезд. Паровоз у него не настоящий, а из ящичков сделан, но всё-таки интересно. Приладил он старую самоварную трубу да и дудит: ду-у-у! А сам

раскачивается. Ящики хотя и не едут, но стучаются один о другой: так-так-так-так! Ну, прямо как вагоны!

Вдруг слышит Васька — упало что-то рядом. Видит — стрела. И видит он, что высунул из дыры голову Колька. И жалко этому Кольке нечаянно улетевшей стрелы, и боится он пролезть за нею.

Посмотрел Васька и говорит:

— А хочешь, Колька, я тебе стрелу подам?

Слез с паровоза, поднял стрелу и подал Кольке. Взял Колька стрелу, ничего не сказал и ушёл.

Походил-походил, а потом высунулся опять из дыры и кричит:

— А у меня, Васька, свисток, как у кондуктора, есть! Хочешь, я тебе дам поиграть? Только не насовсем.

Принёс Колька свисток да так и остался на Васькином дворе. Наигрались и сговорились завтра утром за грибами идти.

Подошёл Колька к забору и кричит:

— Нюрка, пойдём завтра за грибами? А Нюрка боится.

— Вы, — говорит, — опять драться будете.

— Ну вот, драться! Что мы, хулиганы, что ли? Это только хулиганы каждый день дерутся. А мы разве каждый?

Так и помирились.

Васька был неграмотным — мал ещё. А Колька немного грамоте знал. Вечером, перед тем как лечь спать, подошёл он к календарю, оторвал листочек и прочёл на нём: «Вторник». Посмотрел на оставшийся листок и прочёл: «Среда».

«Завтра уж среда», — подумал Колька и похвалился:

— А я знаю, мама, почему среда средой называется. Это потому, что она посередке недели висит. Верно я говорю? — Верно, — согласилась мать. — Ты бы лучше спать шёл.

«И то правда, — подумал Колька. — Завтра вставать за грибами рано... в шесть часов».

Когда Колька уснул, вернулся с какого-то собрания отец. Посмотрел он на календарь и спросил:

— Разве у нас завтра среда?

— Нет, — ответила мать, — завтра ещё только вторник. Это Колька по ошибке лишний листок вырвал. Вот оно и получилось, что завтра среда.

Вероятно, Колька и Васька проспали бы, если бы их не разбудила Нюрка.

Солнце ещё только взошло, трава была мокрая, и сначала босым ногам было холодно.

Направились в перелесок.

Но грибов в перелеске попадалось немного, и ребята решили свернуть к Тихим оврагам, где кусты были погуще, а место посу-

ше.

В корзине у Нюрки и Кольки лежало уже по несколько штук, а у Васьки всё ещё ни одного.

— Ты, Нюрка, не иди со мной рядом, — попросил он, — а то всё раньше меня срываешь. Ты иди лучше вбок, там и срывай.

— А ты не зевай! — ответила Нюрка и, кинувшись в кусты, вытащила оттуда большой крепкий берёзовик. — Вот смотри, какой ты гриб прозевал!

— Я не прозевал, — уныло ответил Васька, — я только хотел за куст посмотреть, а ты уже и выскочила.

Но вскоре, когда очутились они возле Тихих оврагов, грибы начали попадаться так часто, что даже Васька нашёл четыре осиновика да один белый — здоровый и без одной червинки.

Так бродили они по кустам долго, и уже высоко поднялось солнце и подсохла роса на полянках, когда вышли они на опушку.

— А ну-ка... а ну-ка, — сказал Колька, — посмотрите, ребята, куда мы зашли.

Высокий кустарник кончился. Дальше, насколько хватал глаз, расстилалось перед ними холмистое, покрытое мелкой порослью поле. И через то поле не пролегала ни одна проезжая дорога — всюду только кустики да трава. Торчало на том поле несколько высоких деревянных башенок с пустыми площадками наверху. А вправо, не дальше чем за километр, увидели ребята ту самую деревеньку с мельницей и церковью, которая видна была с окраины их посёлка.

— Пойдёмте посмотрим, — предложил Колька. — Мы скоренько... Посмотрим только, а потом и спустимся под гору, да всё прямо, прямо... Так к дому и выйдем.

— А вдруг стрелять начнут?

— А что, если красноармейцы приедут? — почти в один голос спросили Васька и Нюрка.

— Сегодня не приедут. Сегодня среда, — успокоил их Колька. — Пойдёмте посмотрим, да и домой.

Идти пришлось по кочковатому поросшему полю. И чем ближе подходили они, тем чаще попадались им бугры свежей, ещё не заросшей травой земли, узкие глубокие канавы и круглые, залитые дождевой водой ямки.

Казалось, что огромный крот ещё совсем недавно рылся в этом пустом и тихом поле.

— Это от снарядов, — догадался Колька. — Попадёт снаряд в землю, рванёт — вот тебе и яма. А вот это окопы. Сюда от пуль солдаты прячутся во время войны.

— Грязно очень, Колька, — с недоумением заглядывая в сырую глиняную канаву, сказала Нюрка. — Сюда если спрячешься, то вся

вымажешься.

Но тут Васька, копавшийся около маленького кустика с почерневшей, точно опалённой листвой, закричал:

— Вот и нашёл! Вот это так нашёл!

И он побежал к ним, держа что-то в руках.

Сначала ребята думали, что он тащит гриб, но когда он подбежал, то увидели они, что это не гриб, а толстый кусок металла с неровными острыми краями.

— Это осколок от снаряда, — опять догадался Колька. — Ты отдай мне его, Васька. Я тебе за него три гриба дам... Потрогай-ка, Нюрка, какой он тяжёлый. Но Нюрка поспешно отдёрнула руку и стала за спину Васьки.

— Положи его, Коленька, — робко попросила она. — А то вдруг он да и выстрелит.

— Глупая! — успокоил её Колька. — Он уже выстреленный. Как же он без пороха выстрелит? Дай мне его, Васька, — попросил он опять, — а я тебе за него три гриба дам. Да ещё стрелу с гвоздём дам, как только домой придём.

— Что грибы! — ответил Васька, бережно засовывая осколок в корзинку. — Грибы съешь, да и всё. Я лучше не дам тебе его, Колька: пускай он у меня будет... — Он помолчал, потом добавил: — А ты будешь приходить и смотреть. Как только ты попросишь, так я тебе и дам посмотреть. Что мне, жалко, что ли? Смотри сколько хочешь.

Они подходили к деревеньке. Не видно было ни мужиков, ни ребятшек. Не хрюкали свиньи, не мычали коровы, не лаяли собаки, как будто бы всё повымерло.

— Я говорил, что все ушли отсюда! — тихо сказал Колька. — Разве же тут можно жить: смотри, какие снарядные ямины.

Сделали ещё несколько шагов и остановились, широко вытаращив глаза. Только теперь разглядели они, что деревеньки-то никакой и нет. И мельница, и церковь, и домики сделаны были из тонких выкрашенных досок, без стен и без крыш.

Как будто бы кто-то огромными ножницами вырезал раскрашенные картинки и приклеил их на подставки среди зелёного поля.

— Вот так деревня! Вот так мельница! — закричал Васька. — А мы-то думали, думали...

Со смехом вбежали ребята в игрушечную деревеньку. Кругом росла высокая трава; было тихо, жужжали шмели и порхали яркие бабочки.

Ребята бегали вокруг раскрашенных домиков, рассматривая их со всех сторон. Здесь же неподалёку были врыты столбы, к которым были прибиты тяжёлые, толстые доски, в некоторых местах

разорванные и расщеплённые снарядами. Это были мишени, по которым стреляли артиллеристы. Перед обманчивой деревянной тянулись в два ряда изломанные окопы, опутанные ржавой колючей проволокой.

Вскоре ребята наткнулись на какой-то погреб. Дверь в погреб была приоткрыта. С робостью спустились они по каменным ступенькам и очутились в глубоком каменном подвале.

В подвале стояла скамья. К стене была приделана полочка, а на полочке торчал небольшой огарок.

— Зажжём свечку, — предложил Колька. — У меня спички есть. Я с собой захватил, чтобы костёр разжечь.

Он достал спички, но тут они услышали доносившийся сверху лошадиный топот.

— Побежим лучше домой, — тихо предложила Нюрка.

— Сейчас побежим. Там, наверху, кто-то есть. Как только проедут, так и побежим. А то заругаться могут. «Вы, — скажут, — зачем сюда лазили?»

Топот смолк. Ребята выбрались из погреба и увидели, как скачут, удаляясь, двое кавалеристов.

— Посмотри на вышку, — показал Васька, — вон на ту... Туда кто-то забрался.

Посмотрели — и верно: на одной из вышек сидел человек, и отсюда он казался маленьким-маленьким, как воробей.

Хотели уже бежать домой, но тут Васька захныкал, потому что в погребе он позабыл осколок.

Полезли опять. Зажгли свечку. Теперь, при тусклом свете, можно было разглядеть сырые толстые стены из цемента и потолок, настланный из крепких железных балок.

Вдруг глухой далёкий гул заставил вздрогнуть ребяташек. Как будто где-то упало на землю огромное тяжёлое бревно.

Колька, — шёпотом спросила Нюрка, — что это такое?

— Не знаю, — также шепотом ответил он.

Гул повторился, но теперь грохнуло уже совсем близко. Ребяташки притихли и робко жались друг к другу. Васька раскрыл рот и, крепко сжимая найденный осколок, смотрел на Кольку. Колька хмурился, а по щеке Нюрки покатились слеза, и она сказала жалобно, готовая вот-вот заплакать:

— А мне, Колька, кажется... мне что-то кажется, что сегодня вовсе не среда... — И мне тоже, — уныло сказал Васька и вдруг громко заплакал, а за ним и остальные...

Долго плакали, притаившись в углу, попавшие в беду ребяташки. Гул наверху не смолкал. Он то приближался, то удалялся. Бывали минуты перерыва. В одну из таких минут Колька полез наверх затем, чтобы закрыть верхнюю дверь. Но тут совсем непо-

далёку так ахнуло, что Колька скатился обратно и, ползком добравшись до угла, где тихо плакали Васька с Нюркой, сел с ними рядом. Поплакав немного, он опять пополз наверх, к тяжёлой, скованной железом двери погребца, захлопнул её и отполз вниз. Гул сразу стих, и только по лёгкому дрожанию, похожему на то, как вздрагивают стены дома, когда мимо едет тяжёлый грузовик или трамвай, можно было догадаться, что снаряды рвутся где-то совсем неподалёку.

— До нас не дострелят, — ещё всхлипывая, но уже успокаивая своих друзей, сказал Колька. — Мы вон как глубоко сидим! И стены из камня, и потолок; из железа. Ты... не плачь, Нюрка, и ты не плачь, Васька. Вот скоро кончат стрелять, тогда мы вылезем, да и побежим.

— Мы бы-ы... мы бы-ы-ст-ро побежим... — глотая слёзы, откликнулась Нюрка.

— Мы как... мы как припустимся, как припустимся, так и сразу домой, — добавил Васька. — Мы прибежим домой и никому ничего не скажем.

Огарок догорал. Пламя растопило последний кусочек стеарина. Фитиль упал и погас. Стало темно-темно.

— Колька, — прохныкала Нюрка, отыскивая в темноте его руку, — ты сиди тут, а то мне страшно.

— Мне и самому страшно, — сознался Колька и замолчал.

И в погребе стало тихо-тихо. Только сверху едва доносились заглушённые отзвуки частых ударов, как будто кто-то вколачивал в землю тяжёлые гвозди гигантским молотом.

— Колька, Васька! — опять раздался жалобный голос Нюрки. — Вы чего молчите? И так темно, а вы ещё молчите.

— Мы не молчим, — ответил Колька. — Мы с Васькой думаем. Ты сиди и тоже думай.

— Я вовсе и не думаю, — откликнулся Васька, — я просто так сижу.

Он заворочался, пошарил, нащупал чью-то ногу и дёрнул за неё:

— Это твоя нога, Нюрка?

— Моя! — отдёргивая ногу, закричала испуганная Нюрка. — А что?

— А то, — сердитым голосом ответил Васька, — а то... что ты своей ногой прямо в мою корзину и какой-то гриб раздавила.

И как только Васька сказал про гриб, так сразу же веселей стало и Кольке, и Нюрке, и самому Ваське.

— Давайте разговаривать, — предложил Колька, — или давайте песню споём. Ты пой, Нюрка, а мы с Васькой подпевать будем. Ты, Нюрка, будешь петь тонким голосом, я — обыкновенным, а

Васька — толстым.

— Я не умею толстым, — отказался Васька. — Это Исайка умеет, а я не умею.

— Ну, пой тогда тоже обыкновенным... Начинай, Нюрка.

— Да я ещё не знаю какую, — смутилась Нюрка. — Я только мамину знаю, какую она поёт.

— Ну, пой мамину...

Слышно было, как Нюрка шмыгнула носом. Она провела рукой по лицу, насухо вытирая остатки слёз, потом облизала губы и запела тоненьким, ещё немного прерывающимся голосом:

*Ушёл казак на войну,
Бросил дома он жену.
Бросил свою деточку,
Дочку-малолеточку.*

Ну, пойте последние слова: «Бросил свою деточку», — подсказала Нюрка.

И когда Колька с Васькой пропели, то Нюрка ещё звонче и спокойнее продолжала:

*С той поры прошли года,
Прошли, прокатились,
Все казаки по домам
Давно воротились.
Только нету одного,
Всеми позабытого,
Казачонка моего —
И-э-эх! — давно убитого...*

Нюрка забирала всё звончее и звончее, а Колька с Васькой дружно подпевали обыкновенными голосами. И только когда наверху грохало уж очень сильно, то голоса всех троих чуть вздрагивали, но песня всё же, не обрываясь, шла своим чередом.

— Хорошая песня, — похвалил Колька, когда они кончили петь. — Я люблю такие песни, чтобы про войну и про героев. Хорошая песня, только что-то печальная.

— Это мамина песня, — объяснила Нюрка. — Когда у нас на войне папу убили, вот она такую песню всё и пела.

— А разве у тебя, Нюрка, отец казак был?

— Казак. Только он не простой казак был, а красный казак. То все были белые казаки, а он был красный казак. Вот его за это белые казаки и зарубили. Когда я совсем маленькая была, то мы далеко — на Кубани — жили. Потом, когда папу убили, мы сюда, к дяде Фёдору, на завод приехали.

— Его на войне убили?

— На войне. Мать рассказывала, что он был в каком-то отряде. И вот говорит один раз начальник отцу и ещё одному казаку: «Вот вам пакет. Скачите в станицу Усть-Медведицкую, пусть нам помощь подадут». Скачут отец да ещё один казак. Уже и кони у них устали, а до Усть-Медведицкой всё ещё далеко. И вдруг заметили их белые казаки и пустились за ними вдогонку. У белых казаков лошади свежие, того и гляди, догонят. Тогда отец и говорит ещё одному казаку: «На тебе, Фёдор, пакет и скачи дальше, а я возле мостика останусь». Слез с коня возле мостика, лёг и начал стрелять в белых казаков. Долго стрелял, до тех пор, пока не пробрались казаки сбоку, через брод. Тут они и зарубили его. А Фёдор — этот другой-то казак — в это время далеко уже скакал с пакетом, так и не догнали его. Вот какой у меня папа казак был! — закончила рассказ Нюрка.

Сильный грохот заставил вскрикнуть ребятишек. Должно быть, ветром распахнуло верхнюю дверь, и раскаты взрывов ворвались в погреб.

— Колька... зак-к-рой! — заикаясь, закричал Васька.

— Закрой сам, — ответил Колька. — Я уже закрывал.

— Закрой, Колька! — громко расплакавшись, повторил Васька.

— Эх, ты! — неожиданно вставая, крикнула возбуждённая своим же рассказом Нюрка. — Эх, вы... — Она отбросила Васькину руку, добралась до верхней двери, захлопнула её и задвинула на запор.

Гул смолк.

Опять замолчали. И так сидели долго. До тех пор, пока Колька, который чувствовал себя виноватым и перед маленьким Васькой и перед Нюркой, не сказал:

— А ведь наверху-то больше не стреляют. Прислушались — наверху тихо. Подождали ещё минут десять — так же тихо.

— Бежим домой! — вскакивая, крикнул Колька.

— Домой, домой! — обрадовался Васька. — Вставай, Нюрка!

— Я боюсь... — захныкала Нюрка. — А вдруг опять...

— Бежим! Бежим! — в один голос закричали Колька и Васька. — Не бойся, мы как припустимся...

Выбрались наверх. После чёрного подвала день показался сияющим, как само солнце.

Осмотрелись.

Тяжёлые деревянные щиты, что стояли не очень далеко от погреба, были разбиты.

Повсюду валялись разбросанные щепки и чернели ямы возле ещё не обсохшей раскиданной земли.

— Бежим, Нюрка! Дай я возьму твою корзину, — подбадривал её Колька. — Мы быстренько...

Перепрыгнули через окоп, пробрались через проход среди колючей разорванной проволоки и побежали под гору.

Толстый Васька с неожиданной прытью помчался впереди, одной рукой держа корзинку, другой крепко сжимая драгоценный осколок.

Колька и Нюрка бежали рядом, и Колька свободной рукой помогал ей тащить большую неуклюжую корзину.

Они уже спустились со ската и бежали теперь по мелкой поросли, как воздух опять задрожал, за-гудел, и снаряд, пронесясь где-то поверху, разорвался далеко позади них.

Нюрка неожиданно села, как будто бы в ноги ей попал осколок. — Бежим, Нюрка! — закричал Колька, бросая свою корзину и хватая её за руку. — Бросай корзину! Бежим!

Артиллерийский наблюдатель с площадки вышки заметил среди мелкого кустарника три движущиеся точки.

«Вероятно, козы», — подумал он, поднося к глазам бинокль. Но, присмотревшись, он ахнул и, схватив телефонную трубку, крикнул на батарею, чтобы перестали стрелять.

В бинокль он ясно видел, как, то показываясь, то исчезая за кустами, по полю мчались двое мальчуганов и одна девочка.

Один мальчуган крепко держал за руку девочку. Другой, путаясь ногами в высокой траве и спотыкаясь, бежал немного позади, крепко прижимая что-то обеими руками к груди. Затем он увидел, как из-за кустов выскочили двое посланных в батарею кавалеристов и, остановившись около ребят, соскочили с коней.

Конвоируемые двумя красноармейцами, ребята дошли до батареи. Командир был рассержен тем, что пришлось остановить учебную стрельбу, но, когда он увидел, что виноваты в этом трое перепуганных и плачущих малышей, он не стал сердиться и подозвал их к себе.

— Как они пробрались через оцепление? — спросил он.

Ребята молчали. И за них ответил один из конвоиров:

— А они, товарищ командир, забрались ещё спозаранку, до того, как было выставлено оцепление. А потом, когда наши разъезды кусты осматривали, так они говорят, что в погребе сидели. Я думаю, что они в четвёртом блиндаже прятались. Они как раз с той стороны бежали.

— В четвёртом блиндаже? — переспросил командир. И, подойдя к Нюрке, погладил её. — В четвёртом блиндаже! — повторил он, обращаясь к своему помощнику. — А мы-то как раз этот участок обстреливали. Бедные ребята!

Он провёл рукой по разлохматившейся голове Нюрки и спросил ласково:

— Скажи, девочка, а зачем вы туда забрались?

— А мы деревеньку... — тихо ответила Нюрка.

— Мы хотели деревеньку посмотреть, — добавил Колька.

— Мы думали — она настоящая, а там одни доски! — вставил Васька, ободрённый добрым видом командира.

Тут командир и красноармейцы заулыбались. Командир посмотрел на Ваську, который прятал что-то за спину.

— А что это у тебя в руках, мальчуган?

Васька засопел, покраснел и молча протянул командиру снарядный осколок.

— Это он не взял, это он под кустом нашёл, — заступился за Ваську Колька.

— Это я под кустом, — виновато ответил Васька.

— Да зачем он тебе нужен?

Тут командир опять заулыбался, а обступившие их красноармейцы громко рассмеялись. И Васька, который никак не мог понять, над чем они смеются, ответил им, нахмурившись:

— Так ведь такого осколка ни у кого нет, а у меня теперь есть.

— Ну, бегите, — сказал им командир. — Эх вы, малыши!

Он повернулся, посмотрел в записную книжку и закричал уже совсем другим голосом — громким и строгим:

— Стрелять третьему оружию! Прицел 6–6, трубка 6–2!

— Трах-бабах! — грохнуло позади ребят, когда вприпрыжку, довольные тем, что легко отделались, понеслись они домой. Трах-бабах... Но это уже было не страшно.

В выходной день приехал с отцом Исайка. Привез он с собой ружьё, которое стреляло пробками, и стал хвалиться ружьём перед Васькой. И странное дело: на этот раз Ваське нисколько не завидно было, что у Исайки есть ружьё, а у него нет.

Пока Колька и Нюрка рассматривали и хвалили Исайкино ружьё, Васька пошёл домой, отодвинул ящик, в котором лежали сломанный ножик, мячики — один с дыркой, большой, другой без дырки, маленький, — молоток, гайки, три гвоздя и ещё кое-что из его имущества. Он вынул из этого ящика бережно завернутый осколок и понёс его Исайке.

— А у меня вот что есть, Исайка, — сказал он, подавая осколок.

Но Исайка то ли глуп был, то ли не хотел показать вида, только он равнодушно посмотрел на осколок и сказал Ваське:

— Ну, это-то что! У нас в чулане старых железин сколько хочешь.

Васька даже не обиделся. Он посмотрел на Нюрку, на Кольку; они хитро улыбались друг другу и вчетвером побежали на окраину, где начиналось военное поле.

Артиллеристы в тот день не приезжали. Ребята показали Исайке, где становятся пушки, объяснили ему, для чего среди поля стоят деревянные башенки. Рассказали ему, какая странная раскинулась на горе деревенька, около которой и окопы и каменный, с железным потолком погреб, который называется «блиндаж». Они рассказали ему, как попали в блиндаж и как сидели там до тех пор, пока не окончилась стрельба.

Исайка слушал с любопытством, но когда они кончили рассказ, то он сказал довольно равнодушно:

— Жалко, что меня с вами не было. А то я бы тоже полез сидеть. Пойдёмте сыграем в чижа.

И опять улыбнулись Васька, Колька и Нюрка.

Глупый, глупый Исайка! Он думает, что в блиндаже сидеть так же просто, как играть в чижа.

Он не слышал ещё ни разу орудийного залпа. Он не видел ни дыма, ни огня взрывающегося снаряда. Ему не приходилось закрывать тяжёлую дверь блиндажа, как Кольке и Нюрке, и не приходилось бежать с тяжёлым осколком в руках по изрытому воронками полю, как Ваське.

И, переглянувшись, Васька, Колька и Нюрка рассмеялись над добрым толстым Исайкой весело и снисходительно, как взрослые люди смеются над ребёнком.

А когда Исайка поднял на них свои глаза, удивлённые и обиженные этим непонятным смехом, то они схватили его за руки и потащили играть в чижа.

1931